
ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО

В. В. ДУБОВИЦКИЙ

МОТИВЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ: ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ДОМЫСЛОВ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОЦЕНОК К ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ

Говоря об условиях складывания многонациональной Российской империи и формах вхождения в нее в различные исторические периоды народов и государств, необходимо учитывать, что данная проблема распадается на ряд вопросов, связанных, с одной стороны, с мотивами такого присоединения и, с другой – с механизмом присоединения (вхождения), что как минимум предполагает решение вопроса о добровольности или насильственности такого акта.

Вся эта проблематика после 1991 г. (и даже раньше – с периода перестройки) чрезвычайно перегружена идеологизированными и эмоциональными оценками, которые обычно и подменяют научный анализ темы. В большей степени это характерно для учебной литературы, предназначенной для воспитания новых граждан новых независимых государств, где важную роль играет эмоциональная мобилизация национального духа, в том числе и через мифологизацию истории своего этноса, конструирование героики прошлого.

Понятно, что подобный подход к историческим событиям не способствует ни формированию единого гуманитарного пространства, ни созданию объективной научной картины прошлого наших народов. Исключение из научного оборота ученых СНГ теории исторического материализма, идеологический и методологический разнобой в подходе к изучению истории наводят на мысль о применении в качестве методологических ориентиров теорий геополитики. Среди большого их разнообразия,

существующего в современном мире, наиболее плодотворными для изучения условий складывания многонациональной Российской империи и форм вхождения в нее других народов и государств являются евразийская теория, подробно разработанная русскими учеными в 1920–1940-х гг., а также теория неоевразийства, созданная на ее основе в 1990-х гг. в Российской Федерации (см.: Дугин 1997; 2002).

Большой интерес в этом плане представляет и евразийский проект Нурсултана Назарбаева, хотя и не столь разработанный в историческом плане, как российская теория неоевразийства (Назарбаев 1994).

Сразу хочу оговориться, что применение в этой работе таких понятий, как «экспансия», «блок», «империя», «колония», «санитарный кордон» и др., носит исключительно геополитическое значение, абстрагированное от каких-либо эмоционально-публицистических оценок.

Уже расширение ареала проживания древних россов в ранний период существования Киевского государства на северо-восток (зона проживания финно-угорских племен) и юг (тюркоязычные кочевники) вызывает неоднозначные оценки, колеблющиеся от «слияния» и «ассимиляции» до «завоевания», «оттеснения» и «частичного истребления». Своеобразным историческим Рубиконом в употреблении «силовых» оценок присоединения новых земель можно, пожалуй, считать начало русской экспансии за Уральским хребтом в конце XVI в.: начиная с первых походов Ермака Тимофеевича в начале 1580-х гг. крестьянская и монастырская колонизация упоминается только как сопутствующий и подчиненный элемент «казацких походов» и «военных кампаний».

В данной статье автор касается сравнительно небольшого этапа в истории Российской империи – периода активного присоединения региона Средней Азии, длившегося 31 год (1864–1895 гг.).

Говоря о применяемой в статье геополитической методологии, необходимо отметить, что в продвижении России в Среднюю Азию огромную, а подчас и решающую роль играл ландшафтно-географический фактор, что, за редким исключением, не учитывается при анализе исторических событий.

Так, невозможность контролировать гражданский мир и безопасность путей в Среднюю Азию в XVIII – начале XIX в. привела в конце концов к переходу от политики опосредованного контроля над киргиз-кайсацкими жузами через систему выборных султанов и летучих отрядов к выдвиганию в степь крепостей и опорных пунктов, соединению их в «линии», «дистанции» с целью

выведения беспокойного политического элемента в тыл страны (равно как и для прекращения доступа к нему политических сил, Россией не контролируемых, – хивинцев, кокандцев, английской агентуры). Такая концепция в русской среднеазиатской политике становится преобладающей в 1842–1853 гг. и на оренбургском направлении персонифицируется с генералом В. А. Обручевым, сменившим в 1842 г. генерал-адъютанта В. А. Перовского на посту оренбургского генерал-губернатора. В указе Николая I от 14 июня 1844 г. Оренбургской пограничной комиссии вменялось в обязанность «всякое дело о киргизах Малой орды» докладывать начальнику края, а о деле, вызывающем необходимость внесения каких-либо изменений в основные положения по управлению, «представлять» министру иностранных дел. Сразу вслед за этим началось и строительство постоянных укреплений в глубине киргизской степи:

в 1847 г. – Раимского, в низовьях реки Сыр-Дарьи; в 1848 г. – еще трех укреплений: на реках Иргиз, Тургай и Карабутах (Губернаторы... 1999). Русские укрепления строились не только на берегах степных рек, поймы которых были богаты травами и использовались киргизами для зимовок, что делало их легкоконтролируемыми, но и вблизи меридиональных караванных путей из среднеазиатских оазисов в Оренбург, Орск и Астрахань, наиболее часто подверженные нападению киргизских барантачей.

Таким образом, определение южной границы России в Средней Азии в конце 60-х гг. XIX в. в значительной степени было связано с ландшафтно-географическими факторами, что в сочетании с определенной политической обстановкой в Европе и событиями в приграничной с Кокандским и Хивинским ханствами зоне повлекло за собой вторжение русских войск на территорию земледельческих оазисов Средней Азии. Ландшафтно-географический фактор явился, таким образом, не главной причиной, но главным пусковым механизмом военной кампании 1864 и 1865 гг.

1864 г. знаменует новый этап в российской геополитике в Средней Азии. С этого времени началась короткая, но интенсивная и обширная по охвату военная кампания, завершившаяся присоединением к России территории Средней Азии общей площадью более чем 4000 км² и созданием на этой территории Туркестанского генерал-губернаторства. Этот факт знаменует собой начало качественно нового периода во взаимоотношениях России и среднеазиатских народов.

Решение о продвижении России на территорию среднеазиатских ханств фактически было принято императором

Александром 20 декабря 1863 г. по предложению оренбургского генерал-губернатора А. П. Безака о соединении Сырдарьинской (считавшейся частью Оренбургской) и Сибирской пограничных линий:

«1. С будущего 1864 г. приступить к соединению передовых Оренбургских и Сибирских линий, на предложенных генерал-адъютантом Безаком условиях, т. е. от Джулека на Сыр-Дарье через Сузак, Аулизата и далее по хребту Каратаусских гор, заняв Сузак войсками отдельного Оренбургского и Аулизата, отдельного Сибирского корпуса с тем, чтобы впоследствии перенести границу на Арысь, проведя оную от Аулизата через Чимкент;

2. Разрешить генерал-адъютанту Безаку немедленно приступить к приготовлению предстоящей экспедиции, дабы отряды могли двинуться в степь с появлением подножного корма, к таким же приготовлениям приступить и со стороны Западной Сибири, немедленно по утверждению сметы потребных для сего денежных расходов;

3. Самый способ исполнения предприятия представить ближайшему усмотрению обоих корпусных командиров, по их взаимному согласию» (Серебрянников 1908: 201–202).

Последний пункт данного решения находится в соответствии с прежними методами ведения политики со среднеазиатскими государствами, согласно которым начиная с момента учреждения Оренбургской губернии (1734 г.) ответственность за принятие государственных решений в отношении региона почти полностью возлагалась на оренбургского и в значительной степени на сибирского генерал-губернаторов. Именно в этих целях в Оренбурге была создана Оренбургская пограничная комиссия, исполнявшая как дипломатические, так и разведывательные функции. В духе продолжения этой политики находятся и чрезвычайные полномочия

«с правом вести войны и заключать мирные договора» первого генерал-губернатора Туркестанского края К. П. фон Кауфмана, полученные им от царя в 1867 г. (Кауфманский сборник... 1910: 17). Такой подход был абсолютно верен в смысле принятия оперативных военных решений, но вместе с тем нес в себе большую опасность рискованных политических действий, что не раз проявлялось на протяжении кампаний 1864–1868 гг. в регионах, известных как крупные исторические и культурные центры, в государственных образованиях, за контроль над

которыми уже не менее ста лет боролась главная соперница России в европейской политике того времени – Англия.

Осуществление планов установления новой границы, принятых 20 декабря 1863 г., ярко демонстрирует переход к новому этапу построения геополитической системы России и является ключевым во всех дальнейших событиях в Средней Азии.

Мотивы действия «корпусных командиров» в продвижении в глубь Средней Азии достаточно четко характеризует служебная переписка командующих войсками и военного министра Д. А. Милютина, относящаяся к 1864–1868 гг. Вот донесение командующего «оренбургским» направлением полковника Н. А. Веревкина военному министру по поводу взятия г. Чимкента: «Собственно по отношению к безопасности Туркестанской области владение Чимкентом могло бы быть весьма полезно, но не иначе как при сильном занятии его войсками Сибирского ведомства, или вновь высланными из Империи, которая (граница. – В. Д.) в таком случае пролегла бы от Чимкента прямо к Аулизата, по южную сторону гор, то полагаю, что границу эту было бы охранять гораздо труднее, чем идущую, собственно по горному хребту. Границу по Арысу (река Арысь. – В. Д.) тоже нельзя считать за границу естественную или законную, либо оборонительную линию, так как Арысь, даже теперь, во время половодья Сыра (реки Сыр-Дарьи. – В. Д.),

в большей части своего течения во многих местах имеет совершенно удобные броды» (Серебрянников 1908: 267).

К доводам, приводимым командующим Сырдарьинской линией Н. А. Веревкиным, добавлялось и опасение об усилении сил кокандцев в случае достижения последними мирной договоренности с Бухарой.

На необходимость занятия этого важного стратегического пункта указывал и командующий Сибирским военным округом генерал Дюгамель: «Овладение этой крепостью, по моему мнению, составляет необходимое дополнение к тому, что уже сделано в настоящем году.

Окрестности Чимкента, по плодородию своему и развитию хлебопашества, имеют также значение для правого фланга передовой линии, как Алатауский округ для левой ее оконечности. Это две житницы, одинаково необходимые для продовольствия гарнизонов вновь приобретенного края, и, пока Чимкент не будет в наших руках, нельзя рассчитывать на безопасность сообщений между Аулизата и Туркестаном» (Серебрянников 1908: 201).

На те же причины занятия г. Чимкента указывают и исследователи более позднего периода, в том числе и военные: «Причины необходимости занятия этого города уже известны: узел

дорог, плацдарм для неприятеля, в исходящем углу границы и проч.» (Халфин 1968: 158–159).

Русские военные, неожиданно оказавшиеся на острие государственной политики России и вынужденные принимать решения не только о занятии, но и о правовом статусе тех или иных населенных пунктов и территорий, впервые должны были сделать это в период определения линии границы летом – осенью 1864 г. В этих условиях они фактически руководствовались уровнем тех геополитических взглядов, которые вырабатывались у них из сплава их военного образования, знакомства с неясной еще географией Средней Азии и политической обстановкой на месте. В то же время их действия часто не совпадали с планами и замыслами государственных деятелей, отвечающих за курс внешней политики России в целом. Типичным примером являются следующие документы, касающиеся решений в отношении г. Чимкента, с точки зрения генерал-майора Черняева, занявшего его, и военного министра России генерал-адъютанта Д. А. Милютин: «Пользуясь нравственным впечатлением от владения Чимкентом, можно поручиться за совершенное спокойствие края и в продолжении целого года.

Содержание настоящего моего письма доложите его превосходительству Дмитрию Алексеевичу» (Милютину, военному министру. – В. Д.) (Серебрянников 1908: 116).

Реакция военного министра, рассматривающего военно-политическую ситуацию в регионе Средней Азии как составную часть общей политики России, была вполне однозначной и отражала внешнеполитическую линию страны на текущий момент: «...обстоятельство, которое несколько пугает меня, есть намерение г-м Черняева не только овладеть Чимкентом, но и удержать его за собой. Такое распространение границ никогда не входило в наши планы; оно чрезвычайно растягивает нашу линию и требует значительного увеличения сил. К сожалению, сообщения наши так медленны, что всякое предписание придет слишком поздно; вероятно, дело уже сделано. Не мешает однако же телеграфировать генералу Дюгамелю, чтобы он удержал Черняева от крайнего увлечения. 29 сентября 1864 г.» (Серебрянников 1908: 117).

Еще в большей степени самостоятельность русских военачальников в Средней Азии, которая, по сути дела, и была в данный момент движущей силой в формировании новой геополитической модели в регионе, проявилась в отношении занятия Ташкентского оазиса.

К этому моменту в правительственных кругах России сформировалось твердое мнение о необходимости установления определенной и незыблемой границы в Средней Азии: «Окончательное определение нашего положения в Средней Азии и неперемнная неподвижность в будущем наших там границ» (Там же: 165) была главной чертой специального доклада императору Александру II вице-канцлера А. М. Горчакова 31 октября 1864 г., подготовленного на основе изучения политической обстановки в Средней Азии в результате военной кампании 1864 г., а также реакции европейских держав, и прежде всего Англии, на эти события.

Еще более определенно позиция правительственных кругов России высказана в совместной записке министерства иностранных дел и военного министерства на имя императора Александра II месяц спустя, 20 ноября 1864 г.: «В настоящее время дальнейшее распространение наших владений в Средней Азии не будет согласно ни с видами правительства, ни с интересами государства.

Вскоре осуществленное новое завоевание, увеличивая протяжение наших границ, требует значительного усиления военных средств и расходов, между тем как подобное расширение владений не только не усиливает, а ослабляет Россию, доставляя взамен явного вреда лишь гадательную пользу.

Нам выгоднее остановиться на границах оседлого населения Средней Азии, нежели включать это население в число подданных Империи, принимая на себя новые заботы об устройстве их быта и ограждения их безопасности.

Приняв за основание, что правительство не желает завоеваний в Средней Азии, виды в этой стране можно ограничить: 1) Прочным утверждением русской власти на занятом уже пространстве, устройством быта и введением цивилизации между подвластными

ордынцами; 2) Действительным ограждением этих племен от хищников и нападений среднеазиатских народов, поставив их в невозможность вредить нам или, по крайней мере, убедив, что никакое неприязненное действие с их стороны не останется без наказания и возмездия; 3) Приобретением нравственного влияния на Средне-Азиатские ханства, не вмешиваясь в их управление, внутренние дела и политические отношения, но стараясь путем мирных и торговых сношений рассеять их недоверие к нашей политике и установить прочные отношения, чтобы иметь возможность ограждать в самих ханствах интересы и безопасность

наших подданных, развив нашу азиатскую торговлю, и открыть новые рынки для сбыта русских произведений и, наконец; 4) Удешевить содержание наших войск, довольствуя их местными способами, а не подвозом из России, и покрывая хотя бы часть расходов на их содержание доходами с занимаемого края.

На основании вышеизложенных соображений, министерства Иностранных дел и Военное, по взаимному обсуждению системы будующих действий наших в Средней Азии, пришли к заключению, что в настоящее время Россия может ограничиться достигнутыми уже результатами, отказываясь от дальнейшего наступления и приняв границей линию от китайских пределов по Тянь-Шанском хребту, водораздельной черте между долинами Чу и Таласа и бассейном Сыр-Дарьи, затем, по одному из отрогов Кызы-курта, впереди Арыса, Сыр-Дарью» (Серебрянников 1908: 196–201).

В этом документе предлагается также уже применявшийся в российской внешней политике XVIII в. вариант прикрытия юго-восточной границы с помощью формально независимых, но подконтрольных Империи государств, известных в международном праве как протекторат. Вместе с тем следует учесть, что протектирование родовых казахских объединений (Малая и Средняя Орда) в XVIII в. не привело к положительному для России результату, что было связано с особенностями социально-экономического устройства кочевых народов. В середине 60-х гг. XIX в. планы протектирования предполагалось применить к оседлому земледельческому населению среднеазиатских оазисов, имевших, как правило, многовековые традиции государственного управления: «...не вмешиваясь в распри и внутренние дела ханства, стараясь поощрять торговые и дружественные сношения, если не с Кокандом, то по крайней мере с Ташкентом, дав понять жителям, что их собственный интерес заставляет быть в мире с русскими; но вместе с тем, посредством консулов или иных дипломатических агентов, которые при благоприятных обстоятельствах могут быть туда командированы или даже водворены, зорко следить за положением дел в ханствах, чтобы быть в состоянии своевременно принимать необходимые меры для подавления в самом начале всяких замыслов, противных нашим интересам; в случае же грабежей или нападений, не оставлять ни одно неприязненное действие без должного наказания и возмездия» (Серебрянников 1908: 196–201).

Возникнув в 1864 г., вопрос о протектировании среднеазиатских владений или их полном присоединении к России становится ключевым в построении геополитической системы в

Средней Азии. Уже в 1864–1865 гг. это ярко проявилось в вопросе о правовом статусе г. Ташкента и прилегающих территорий.

Впервые вопрос о взятии г. Ташкента встал сразу же после занятия г. Чимкента и диктовался исключительно соображениями развития оперативного успеха в целях ликвидации крупного опорного пункта кокандцев рядом с новой пограничной линией. Принимая решение о занятии Ташкента, генерал Черняев указывал, что этот шаг сократит сроки ведения войны и стабилизирует политическое положение в приграничной зоне: «Не представляйте кокандцев такими, какими они были в Пишпеке и т. п.; у них руководители не хуже наших, артиллерия гораздо лучше, доказательством чему служат нарезные орудия, пехота вооружена штыками, а средств гораздо больше, чем у нас. Если же мы их теперь не доканаем, то через несколько лет будет второй Кавказ.

26 сентября 1864 г. М. Черняев» (Там же: 116).

Однако попытка взять Ташкент с ходу не удалась, и этот факт привлек пристальное внимание как военного, так и политического руководства России – речь фактически пошла об установлении новой линии границы и о все большем участии в политической жизни Средней Азии. Дело осложнилось из-за претензии на город эмира Бухары, который попытался воспользоваться военными поражениями Коканда для: 1) территориальных приобретений; 2) установления политического контроля над Кокандом; 3) обеспечения контроля над транзитной торговлей через Ферганскую долину в Кашгарию. Это кардинально меняло всю политическую обстановку на территории междуречья Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, то есть древнего Мавераннахра, что требовало незамедлительных решений со стороны России. Центральным пунктом в этих событиях становилось определение международного правового статуса г. Ташкента и Ташкентского оазиса: «Известие о прибытии в Ташкент Худояр-хана с отрядом войск Бухарского эмира до сих пор еще не подтверждается. Но сведения о сношениях Ташкента с Бухарой подтвердились и заговор, заблаговременно раскрытый Алимкулом, имел целью передачу Ташкента Бухарскому эмиру.

Впоследствии этих оснований Бухарский эмир требовал от Алимкула передачи ему Ташкента, в случае чего выразил намерение послать посольство в Россию для определения границ, но Алимкул ответил, что намерен оборонять Ташкент как от русских, так и от бухарцев и в крайнем случае предпочитает передаться русским» (Серебрянников 1908: 101).

Глава военного ведомства, понимая всю геостратегическую важность поднятого генералом Черняевым вопроса, вместе с тем

вполне справедливо указал на необходимость внешнеполитического решения и запросил по этому поводу министерство иностранных дел России: однако МИД России, высказавшись за намеченные планы создания протектората, одновременно не дал однозначных рекомендаций в отношении военных действий и будущего политического устройства в Ташкентском оазисе, предоставив, по сути дела, в этом свободу выбора армии: «Мы решили не включать этот город в пределы Империи, потому что признали несравненно для нас выгоднейшим ограничиться косвенным на него влиянием, весьма действительным по близости наших военных сил. Но весьма может быть, что для нас было гораздо выгоднее, если Ташкент успел бы отмежиться от Кокандского ханства и образовать по-прежнему независимое владение. В зависимости от Коканда, именно Ташкент будет служить нам лучшим залогом в исполнении ханом условий доброго соседства. С восстановлением же прежней независимости, город этот послужит удобным оружием, в случае необходимости действовать на Коканд и отчасти на Бухару, и вместе с тем становится для нас оградой против всяких внезапных покушений Коканда и Бухары... Оставаясь верным к общему началу, что нам следует избегать вмешательства во внутренние дела ханства, необходимо было бы и окончательное устройство судьбы Ташкента предоставить ходу событий» (Там же: 83).

Военный историк М. А. Терентьев указывает: «Несмотря на неудачу, генерал Черняев вошел с представлением о необходимости немедленного занятия Ташкента и, думая согласоваться с прежними видами правительства, не желавшего распространять свои владения, он предлагал образовать из Ташкента отдельное, независимое от Коканда, владение, находившееся только под покровительством России.

Правительство не дало разрешения на представление генерала Черняева о занятии Ташкента, но вместе с тем озаботилось, по возможности безотлагательно, представить генералу Черняеву все средства для сильной обороны всего уже занятого нами пространства» (Терентьев 1906: 278). С этой целью в начале 1865 г. из территорий, занятых в течение предыдущего – 1864 г., с присоединением бывшей Сыр-Дарьинской линии в составе Оренбургского генерал-губернаторства была образована Туркестанская область, губернатором которой был назначен генерал Черняев. Создание этого административного образования имело цели оперативные (через два года область вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства), но стало важным этапом в организации геополитического пространства присоединяемого к России региона.

Однако действия, «отданные на усмотрение корпусных командиров», развивались на месте совершенно не так, как планировалось в Санкт-Петербурге: подчиняясь по-прежнему ходу военно-политических событий в Средней Азии, военный губернатор Туркестанской области генерал Черняев принял решение выйти по всей линии границы на реку Сыр-Дарью, приняв ее в качестве естественного рубежа с Бухарским ханством: «...прошу инструкций о следующем:

1. Найдет ли правительство удобным провести нашу границу в Средней Азии по р. Сыр-Дарье, как самую естественную;

2. Будет ли согласно с видами нашего правительства занятие Бухарским эмиром остальной части ханства за Дарьей, чему в настоящее время противодействовать я не могу;

3. Не будет ли разрешено мне вступить в переговоры по этому предмету с Бухарским эмиром теперь же» (Серебрянников 1908: 182–183).

Мнение генерала Черняева о новой линии границы разделяло и его руководство в Оренбурге: «Вообще же, по интересам и расположению населения, также по топографическим условиям торговых путей, наша настоящая граница в Кокандских владениях есть Сыр-Дарья во всем ее течении» (Серебрянников 1908: 192).

Эта позиция по установлению новой линии границы была вскоре выражена в прямом указании генералу Черняеву: «Течение Сыра (то есть Сыр-Дарьи. – *В. Д.*) должно быть обеспечено для нашего судоходства» (Там же: 194).

В конце апреля 1865 г. войска генерала Черняева заняли крепость Нияз-Бек под Ташкентом, контролировавшую подачу воды в город. Вскоре в одном из столкновений близ Ташкента был убит регент малолетнего кокандского хана, фактический глава ханства Мулла Алимкул. После этого в Ташкенте резко усилилась позиция партии, выступавшей за передачу города Бухаре, чему способствовала и дипломатическая активность эмира Музаффера, стянувшего для наступления на Кокандское ханство значительные силы к Ходженту. В этих условиях генерал Черняев принимает решение о занятии Ташкента, что было осуществлено русскими войсками 15–17 июня 1865 г.

Но несмотря на взятие г. Ташкента, в политических и высших военных кругах России продолжались все усиливающиеся споры по поводу дальнейшей судьбы города и новой линии границы с Кокандским ханством.

Принимая во внимание огромную стратегическую ценность Ташкентского оазиса и его ключевое значение не только в контроле

с севера над Ферганской долиной, но и в качестве фактора взаимоотношения со все усиливающейся Бухарой, предъявлявшей все большие аппетиты к территории Кокандского ханства, генерал Черняев и его непосредственный начальник – генерал Крыжановский были склонны сохранить Ташкент в той или иной форме зависимости от России: «Образование из Ташкента отдельного ханства с вассальным подчинением его России, по моему мнению,

в настоящее время неудобожелаемо... Хан, поставленный нашим правительством, в глазах народа будет таким же русским чиновником, которым управляются они и теперь, но с тою разницей, что власть нашего чиновника они признают, потому что видят в ней силу, и в результате выйдут, что мы только лишимся средств, которые будут выделены на содержание хана.

Помимо всего этого, образование из Ташкента самостоятельного ханства лишит нас этого важного политического значения, которое приобрели мы с занятием этого города, стоявшего во главе всей Средней Азии» (Серебрянников 1908: 7).

Еще более развернуто свои соображения по присоединению новых территорий в Средней Азии изложил в донесении военному министру оренбургский генерал-губернатор Крыжановский, на долю которого, как и его предшественника Обручева, выпало принятие многих политических и военных решений по региону: «Их правительства (т. е. Коканда и Ташкента) должны быть к нам в вассальных отношениях и представлять ручательства для нашей торговли и спокойствия границы и далее течение Сыра должно быть обеспечено для нашего судоходства. Спрашивается, каким образом следовало добиваться этого ручательства и этого обеспечения от такого народа, как азиатцы? Можно ли было достичь требуемых результатов, не занимая постоянно вблизи Ташкента угрожающей позиции и самостоятельных постов по реке? Каким образом можно установить вассальные отношения, хотя над одним Ташкентом, городом, где сплетаются все интриги среднеазиатской дипломатии, стоя от него в 100 верстах или даже приходя туда, но лишь на время?

Каким образом, не занимая пункта вблизи Ташкента, обеспечить его от преобладания в самом городе сильной партии эмира, всегда готовой с оружием в руках поддержать и укрепить его владычество?

Наконец отчего, занимая временно разные посты впереди нашей границы, мы должны считать ее вновь перенесенной и отчего объявление Ташкента и Коканда независимыми владениями

с обязательством защищать их от всякого рода нападений будет противоречить нашим официальным и журнальным заявлениям?

Независимый Ташкент может без нарушения своей независимости потребовать присутствия наших войск в разных пунктах своей территории и мы не можем отказать в том владению, находящемуся под нашим протекторатом» (Там же: 19–20).

Новая геополитическая реальность, сложившаяся в северных районах Средней Азии, вызвала большие затруднения в деятельности высших политических кругов России на международной арене. Однако вместе с тем успехи русских войск в этом регионе оказали ожидаемое давление на позицию Англии, проявлявшей все большее опасение по поводу своих колоний в Индии, а значит, смягчившей свои позиции в отношении России в Европе. Ташкент был оценен МИДом России как «узел нашего влияния в Средней Азии» (Серебрянников 1908: 283). Министерство иностранных дел посчитало целесообразным следующее: «Для оставления гарнизонов в Чиназе и Ниязбеке, а также в разных постах по Сыр, просьба о том жителей Ташкента была бы весьма уместная.

При объявлении эмира о предстоящем наказании за всякое нарушение спокойствия наших границ, равно как Ташкента и Коканда, не следовало бы упоминать о взятии Бухары, так как эта угроза трудно осуществима, а наше слово, в особенности обращенное к азиатцам, должно быть строго выполняемо» (Там же: 66). Этот взгляд в значительной мере совпадал со взглядами на устройство границы оренбургского военного начальства: «В Ташкенте надо образовать самостоятельное управление из местных жителей, без всякого вмешательства в домашние дела жителей кого-либо из русских чиновников. Само собой разумеется, что при этом крепость и жители должны быть немедленно обезоружены, а крепостные стены приведены в положение, совершенно для нас безвредное.

Было бы весьма полезно образовать при Ташкенте целый округ от страны, лежащей от нашей нынешней линии до берегов Сыра и Нарына, по всему их протяжению, и землю эту вместе с городом Ташкентом или отдать особому хану по нашему выбору, или подчинить муниципалитету» (Там же: 68). Министерство иностранных дел России в лице прежде всего директора его Азиатского департамента Стремоухова категорически возражало против такой линии границы, которую предлагал оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский, старавшийся одновременно сгладить тот отрицательный эффект, который

произвели в политических кругах слишком решительные и не согласованные с руководством страны действия генерала Черняева в отношении Ташкента: «Так же как и прежде, держусь его мысли, что, не окончив устройства главного здания и не имея даже денег на устройство его, не нужно начинать постройку ненужных флигелей: нечего нам делать новых завоеваний, когда не можем укрепить то, что уже имеем. В Азии гораздо легче делать громкие завоевания, чем трудиться над администрацией, тем более, что последняя приносит много горя и неудовольствия, а громкие, но вместе с тем весьма нетрудные завоевания, приносят чины и кресты. А потому не следует удивляться, что в Туркестане люди увлекаются: надо только подтянуть им поводья и направить воинственный удар на что-нибудь более разумное, чем расширение и без того широчайшей России.

Полагаю, по-прежнему (и решительно), остановиться на бывшей границе нашей через Ташкент и Аулиета, выдвинув немного вперед ее левый фланг. Думаю границу ту прикрыть вассальными нам владениями Ташкентским и Кокандским, но с обязательством защищать их от покушений Бухары. Если эмир захочет взять их, придется всякий раз открывать клапан героизма Туркестанских войск и брать Бухару с целью наказывать эмира контрибуциями. Считаю также необходимым обеспечить за нами судоходство по Сыру и для сего, по особой просьбе ташкентцев и снисходя к их крайнему и бедственному положению, оставить границы в некоторых пунктах по берегу реки. Если будет возможно, надо устроить так, чтобы ташкентцы платили арендную сумму на содержание тех гарнизонов. Когда ташкентское владение окончательно упрочится (а когда оно упрочится, знает только Бог и мы), тогда гарнизоны наши надо будет вывести» (Серебрянников 1908: 47–48).

Таким образом, высшее военное руководство Оренбургского генерал-губернаторства, отвечавшее за политику на среднеазиатском направлении в течение 130 лет, при всем понимании международного резонанса этих действий склонялось к геостратегическим решениям, исходящим из удобств обороны территории, снабжения войск, безопасности союзников и других факторов стратегического и оперативного характера.

Реакция Азиатского департамента МИДа на планы военных кругов по установлению новой линии границы была однозначной и находилась в русле общей политики России, определенной этим министерством: «Если мы будем расширять наши пределы только потому, что будем желать присоединять к себе каждое

воинственное кочевое племя, могущее делать набеги, то вряд ли удастся нам когда-либо остановить свое движение на юг, и кажется, было бы выгодно или оградить границу укрепленною линией, или карать хищников подвижными колоннами...

Едва ли может входить в виды правительства распоряжаться судьбами всей Средней Азии, проникая даже до Бухары; подобные замыслы еще не входили, да и вряд ли должны входить, в нашу политическую программу, потому что ни в коем случае не оправдывались бы ни требованиями нашей торговли, ни общим политическим соображением, а между тем вовлекли бы нас в неизбежные затруднения» (Серебрянников 1908: 69–70).

Из приведенного документа директора Азиатского департамента МИДа России Стремоухова можно сделать вывод, что идея «пограничной линии» на юго-восточных рубежах, существовавшая здесь более ста лет, несмотря на то, что страна была вынуждена отказаться от нее в пользу непосредственного контроля над территорией, все еще находила своих приверженцев в правительственных кругах. Эту же мысль Стремоухов повторяет и в другом документе, направленном оренбургскому генерал-губернатору: «Скажу только о пятом пункте, о котором упоминает князь (А. М. Горчаков, вице-канцлер, министр иностранных дел. – В. Д.) в своем письме, а именно, о передвижении линии границы на левом фланге к Нарыну. Признаюсь Вам со всей откровенностью, что аргументы в пользу такого передвижения никак не убеждают. Линия по долине Таласа и углу Иссык-Куля и по этому озеру мне кажется прекрасною и вполне удобною; к ней примыкают горные проходы, которые легко запереть малыми постами или укреплениями и которые могут служить воротами и для нас, в случае нужды; по второй линии весьма легко устроить вполне удобные сообщения на всем протяжении. Не могу найти достаточных причин бросать эту линию и захватывать горную местность, перерезанную почти непроходимыми хребтами, бесплодную, кроме нескольких долин..., а сколько подобное предписание поднимает крику и как оно подо-рвет последнее к нам доверие в Европе. Право, игра не стоит свечей» (Там же: 104).

Показательно, что, решая вопрос об установлении новой линии границы по всему течению р. Сыр-Дарья, и МИД, и военное министерство сошлись во мнении нецелесообразности перенесения границы на линию этой реки, которую они были склонны воспринимать только как транспортную артерию, без рассмотрения подчинения военно-политического пространства, расположенного севернее ее: «...главнейшей целью наших усилий в Средней Азии

должно быть развитие нашей среднеазиатской торговли. – Разделяя вполне этот взгляд, я полагал бы правильным, чтобы, согласно с ним, и самая деятельность наша в Средней Азии была руководима этой целью, а не видами неограниченного расширения нашего влияния и ни в коем случае увеличения территориальных владений. Материальное влияние наше должно быть настолько сильно, чтобы обеспечить торговую деятельность, сообразно с действительным ее развитием, но не более того. На основании этих общих видов нашей среднеазиатской политики должно быть определено и значение Сыр-Дарьинских постов: цель их содействовать развитию торговли посредством обеспечения судоходства торгового, а не устройство вдоль Сыра военно-стратегических пунктов, которые могли бы привести к фактическому перенесению границы на Сыр-Дарью, под предлогом, что оставить раз занятые пункты было бы в глазах азиатцев признаком слабости. Понимание в таком смысле значения Сыр-Дарьинских постов, само собою, определяет время, и условия устройства их: когда того потребует торговля, когда при развитии ее потребуются надобность в торговом судоходстве. В глазах Министерства Иностранных Дел течение Сыр-Дарьи вне наших пределов представляет собою торговую артерию, а не базис военных действий» (Серебрянников 1908: 64–65).

Несмотря на единство взглядов с МИДом России по многим вопросам политического устройства на захваченных территориях Средней Азии, военное министерство тем не менее следовало собственным соображениям оперативно-тактического плана, в чем поддерживало командование Оренбургского военного округа и командующего войсками в Средней Азии – губернатора Туркестанской области генерала Черняева. Это проявилось и в отношении использования р. Сыр-Дарьи для речной навигации: «Для безошибочного проведения и использования видов правительства, ген-м Черняеву надлежит ясно указать, можем ли мы теперь же продолжать плавание нашей военной флотилии вверх от Чинзана, или оставляем долину Сыр-Дарьи выше занятых нами пунктов в руках враждебных нам Коканда и Бухары.

Решившись иметь в нашей власти плавание по всему протяжению Сыр-Дарьи, нельзя ограничивать ген-м Черняева устройством только торговых пунктов, запрещая ему строить укрепленные посты, так как без серьезных мер защиты немислимо и обеспечение судоходства по Сыру. Хотя само собою, разумеется, что временный военный характер этих постов будет сохранен лишь до того времени, когда успокоение края даст возможность разоружить посты и обратить их в военные склады.

Если же мы вовсе откажемся от плавания вверх по Сыру, то вместе с тем должны немедленно потерять надежду и на укрощение беспокойного соседа и ослабление угрожающего нам преобладания Бухары» (Серебрянников 1908: 62).

В то время как в высших политических кругах России велась дискуссия о новой линии границы и нецелесообразности дальнейших территориальных приобретений для России, военно-политическая обстановка в непосредственной близости от Ташкентского оазиса побуждала русское военное командование к дальнейшим военным действиям. Причиной этого послужили действия руководства Бухарского ханства, пытавшегося в ходе войны России и Кокандского ханства расширить свои территориальные владения за счет последнего. Бухара даже попыталась ввести свое налогообложение населения в уже занятом русскими войсками Ташкентском оазисе, препятствовало поставкам продовольствия и заготовкам фуража для войск на этой территории. В связи с этим в начале осени 1865 г. боевые действия в Средней Азии возобновились: 13 сентября 1865 г. был занят г. Той-Тюбе, а через день города Пскент и Келеучи, находящиеся примерно в сорока верстах по дороге от Ташкента в г. Ходжент: «Занятие Той-Тюбе, Пскента, Келеучи, передавая в наши руки всю хлебопашную часть Зачирчикской страны вплоть до гор, имело самые благоприятные последствия на окончательное водворение спокойствия в Ташкенте и его окрестностях, и слухи о возможности внезапного движения Бухарского эмира прекратились.

Подвоз продовольственных припасов возобновился, и цены на все продукты значительно понизились на Ташкентском базаре. Теперь заготовка провианта и фуража для наших войск идет довольно успешно и значительные транспорты хлеба, закупаемые за Чирчиком, направляются в Ташкент и в Чиназ...

Для сохранения же в этой стране порядка и спокойствия я полагаю достаточным, не двигаясь далее бескрайней необходимости, занимать только крепость Келеучи двумя ротами пехоты, одной сотней казаков при 4 орудиях» (Там же: 88–91).

Таким образом, следуя оперативно-тактической необходимости, 6 сентября 1865 г. русские войска вышли в непосредственной близости от г. Ходжента – стратегического населенного пункта, контролирующего западный вход в Ферганскую долину.

По мере продвижения в земледельческую зону Средней Азии в геополитической мотивации действий, помимо целей обеспечения безопасности юго-восточного участка страны, все большее

значение приобретает фактор создания стратегической угрозы Британской Индии, что давало несомненные преимущества России в европейской политике. Командующий русскими войсками в Средней Азии генерал Черняев понимал, что наибольшего и скорого эффекта в этом направлении можно было достичь, выйдя непосредственно к территориям и государственным образованиям, признавшим де-факто политическое влияние Англии, то есть к территории Афганистана либо мелким княжествам северо-запада Индии. В этом плане показательно его заявление, сохранившееся в письме офицеру генерального штаба Полторацкому: «В нынешнем году я буду твердить, что, порешив с Кокандом, нам нужно во что бы то ни стало предупредить англичан на Аму-Дарье или, лучше сказать, не допустить их влияния по сю сторону Гиндукуша. Иначе мы поменяемся ролями: вместо того, чтобы угрожать положению англичан в Индии, мы сами будем опасаться за свое в Средней Азии. Весьма быть может, что для этого предупреждения не потребуется вовсе непосредственного занятия, что в настоящее время и сделать нельзя, но зевать невозможно» (Серебрянников 1908: 233).

То, что Англия проявляла большое беспокойство относительно событий в Средней Азии в период 1864–1865 гг., показывают следующие факты. Именно в этот период в Бухаре появляются сведения о намерении англичан организовать судоходство по реке Аму-Дарье, что, естественно, предполагало выход их судов в Аральское море, то есть в глубину русской территории и в тыл русских войск на севере Средней Азии. Эти факты побудили русское правительство разработать план превентивных мер по занятию дельты Аму-Дарьи и устройству там укреплений. Как следует из разработанного плана, «предлагается занять крепость Бенд или какой-нибудь пункт вблизи, имея ввиду, что Аму-Дарья, достигая Бенда одним руслом, разливается отсюда на множество рукавов, удерживать истоки которых за собой нам легко уже будет, владея как самою дельтою, как и всеми дорогами, ведущими оттуда в Бухару и Хиву» (Там же: 68–69). Но планы англичан по устройству судоходства по Аму-Дарье не были осуществлены из-за сложности доставки в верхнее ее течение судов, и операция русских войск по занятию дельты реки была отменена. По нашему мнению, в отказе Англии от планов устройства судоходства сыграл роль тот факт, что созданная в 1853 г. Аральская флотилия превратилась к этому времени в значительную силу. В 1865 г. Аральская военная флотилия включала в свой состав помимо двух парусных шхун, спущенных на воду в 1847 и 1848 гг., три частично бронированных парохода и один

паровой баркас (Веселаго 1872: 35). Флотилия успешно участвовала в ряде боевых операций в низовьях р. Сыр-Дарьи (Серебрянников 1908: 209). Флотилией еще в 1858–1859 гг. были проведены исследования реки Аму-Дарьи с целью организации навигации, а также заключены соответствующие договоры с эмиром Бухарского ханства Насруллой о свободе плавания и о создании пунктов складирования топлива и пристаней на реке (Шульц 1861: 148–150).

Летом 1865 г. в Бухару прибывает миссия в составе трех английских офицеров, целью которой являлась организация антирусской коалиции в Бухаре, Хиве и Коканде. Судя по всему, эта миссия успеха не имела и вернулась в Индию еще до «появления снега на Гиндукуше» (Серебрянников 1908: 119). Еще одним косвенным подтверждением правильности геополитических шагов России в Средней Азии стала попытка магараджи Кашмира Рамбир-Сингха установить отношения с Россией с целью борьбы с англичанами, предпринятая двумя его посланцами в Ташкент в ноябре 1865 г. (Там же: 205).

Таким образом, итогом двух военных кампаний России в Средней Азии в 1864 и 1865 гг. стало проникновение в новое для нее геокультурное пространство древних земледельческих культур иранских народов. В зоне влияния России оказалась достаточно обширная земледельческая полоса в среднем течении реки Сыр-Дарьи с городами Туркестан, Чимкент и рядом мелких оазисов нынешнего Южного Казахстана. В мае 1865 г. под контролем России оказался богатейший оазис Средней Азии – Ташкентский, что открывало возможность политического контроля над Ферганской долиной, а также создавало предпосылки к выходу в Центральный

и Южный Мавераннахр. Исходя из взглядов правительства России на территориальные приобретения в Средней Азии, можно предположить, что этот процесс прекратился бы уже летом 1864 г., после присоединения Чимкента, но русское правительство не учло, что имеет дело уже не с родами кочевников-киргизов, а с устойчивыми феодальными государственными образованиями, имевшими четко фиксированную территорию (во всяком случае, «государственное ядро»), исторические традиции государственности, престиж в мусульманском мире. Окончить войну здесь, на том рубеже, где хотелось бы МИДу России, ее военные попросту не могли: ни Коканд, ни Бухара не желали считать навеки утраченными богатейшие оазисы Чимкента, Туркестана, Ташкента, и непосредственные воинские начальники, «на ближайшее усмотрение которых был

представлен способ исполнения предприятия», были вынуждены продолжать войну, занимая очередной центр коммуникаций, стратегически важный мост или перевал. То есть война в Средней Азии, начавшаяся как «степная», за контроль над полупустынным пространством, все более превращалась в войну до капитуляции, разгрома враждебного государства или основных сил его армии, как это обычно было в европейских кампаниях.

К осени 1865 г. после присоединения к России Ташкентского оазиса и разгрома в кампаниях 1864–1865 гг. основных сил Кокандского ханства Россия попыталась решить вопрос о претензиях Бухарского ханства на «кокандское наследство» мирным путем, отправив в Бухару посольство во главе с подполковником Глуховским. Однако эмир Музаффар не пошел на переговоры и задерживал посольство в течение семи месяцев, развязав новую военную кампанию против русских войск уже в виде «джихада», то есть священной войны с «неверными» (см.: Татаринов 1867; Глуховских 1868). В результате в январе 1866 г. активные боевые действия в Средней Азии возобновились, на этот раз уже с Бухарским ханством.

Как известно, неприязненные отношения между Россией и Бухарским ханством вылились весной 1866 г. в открытые боевые действия в районе Ирджара, в результате которых бухарские войска потерпели поражение и отступили по направлению к Самарканду (Дониш 1976: 125). Русское командование, исходя из стратегических соображений, не стало преследовать разбитого противника, а решило обеспечить невозможность прорыва бухарских войск в Ферганскую долину, для чего заняло кокандские крепости Нау и Ходжент в западной ее части.

11 июля 1867 г. правительство России пошло в Средней Азии на важный политический шаг – организацию Туркестанского генерал-губернаторства. В состав нового административного образования вошли все территории, занятые начиная с 1847 г. на юге Киргизской степи (Казахстан) и в северной части Кокандского ханства. Новое генерал-губернаторство было разделено на две области: Сыр-Дарьинскую с областным городом Ташкентом и Семиреченскую с областным городом Верный. Первая из них включала в себя семь уездов, вторая – пять. Общая территория Туркестанского генерал-губернаторства составила около 1,493 тыс. верст, что делало его одним из крупнейших административных образований России того времени (Семенов-Тянь-Шанский 1913: 2).

Рассматривая геополитические мотивы военных кампаний России 1865–1867 гг. в Средней Азии, нельзя не задаться вопросом

о справедливости экономических мотивов присоединения региона, на что как на основную причину неизменно указывала советская историография.

Мотивы действий как различных структур власти России, так и отдельных должностных лиц, представляющих сферу коммерции, выражены порой в малозаметных и часто незаслуженно забытых историками документах. Причиной тому, как правило, служило идеологическое несоответствие таких документов официальной линии исторического обоснования, исходящего из примата ориентиров, данных историческим материализмом. Так, например, обычные для историографии советского периода ссылки на потребности российской текстильной промышленности в хлопковом сырье как главный движущий мотив в присоединении региона подтверждаются лишь временными трудностями Ивановских, Ярославских и Нарвских фабрик в высококачественном американском тонковолокнистом хлопке, перебои с которым начались в связи с Гражданской войной в США в 1861–1865 гг.

Названный мотив не выдерживает серьезной критики, во-первых, потому что американский хлопок был с успехом заменен равноценным, закупленным в Египте, во-вторых, потому что промышленные круги пореформенной России не обладали достаточным влиянием на правительственную элиту, состоящую из дворянства, чтобы вызвать масштабную и длительную войну в своих интересах.

Документы первой половины XIX в. (до 1864 г., то есть периода активного присоединения Средней Азии к России), в которых прослеживаются интересы названной категории русских промышленников, указывают лишь на слабые попытки нормализовать торговлю хлопком с Бухарой методами вполне экономическими: организацию торгового товарищества; открытие постоянного торгового представительства в Бухарском ханстве; понижение или снятие пошлин на транзит зарубежных текстильных товаров.

Характерным в этом плане документом можно считать «Заметку о поездке в Бухару московского 2-й гильдии купеческого сына Ивана Андреева Быковского в 1861 г.», где И. А. Быковский сообщает, что «подвергся следующим не благоприятствующим в торговых делах поступкам со стороны местного начальства». С него, несмотря на межгосударственную договоренность 1858 г. (посольство полковника Н. Игнатьева), была взята 10%-ная пошлина (вместо положенной 5%-ной). Подобные же действия

были предприняты бухарскими властями и в отношении еще трех других русских купцов. Попытки разрешения этого вопроса Быковским с бухарскими властями успехом не увенчались, и он обратился с жалобой к оренбургскому генерал-губернатору, где предложил следующее: «Если бухарские торговцы постоянно увеличивают круг своих торговых дел с Россией, то ясно, что находят в том выгоды, а русским делают возможные препятствия, желая избежать их соперничества. Дабы охранить как личность, так и капиталы русских подданных, желающих на будущее время производить торговлю в Бухаре, осмелюсь предложить следующее: не благоугодно ли Вашему Высокопревосходительству, пригласить бухарских купцов, и караванбаши из прибывших ныне в Оренбург, сделать им замечание о поступке их со мною и другими русскими, а на будущее время предложить им оказывать русским торговцам такой же благоприятный прием, каким они сами пользуются в России, или в противном случае ожидать, что и они в России будут лишены таких прав и покровительства, которыми они до сего времени постоянно пользуются» (ГАОО. 1861 г. Д. 7736. Лл. 54–55). Несколькоми годами позже группа русских купцов, в числе которых был и упомянутый уже Иван Андреевич Быковский, вновь обратила внимание оренбургского генерал-губернатора А. П. Безака на трудности в торговле среднеазиатским хлопком, связанные на этот раз с низким качеством сырья, и просила его способствовать приобретению сырья на месте, в Бухаре. С этой целью председатель Московского отделения Мануфактурного и Коммерческого советов А. Хлудов отправил в Бухару своего сына Михаила (ГАОО. 1863 г. Ф. 6. Ок. 10. Д. 7878. № 5).

Последний в своей докладной записке «Препятствия, встречающиеся русскими купцами в Бухаре для свободной торговли», датированной 3 июля 1864 г., указал на ряд затруднений в торговле для русского купечества (отсутствие выбора места жительства и места складирования товаров; свобода распоряжаться своим капиталом; свобода почтовой связи; снижение торговой пошлины с 5 % до 2,5 %; отсутствие свободы передвижения по г. Бухаре) и меры по их устранению, которые включали в себя чисто дипломатические шаги (ГАОО. 1864 г. Ф. 6. Ок. 10. Д. 7878. № 10–11). Как указывалось в «Записке о бухарском хлопке», поданной московскими текстильщиками оренбургскому генерал-губернатору, «...недобро-качественность товара, происходящая не от природного недостатка хлопчатника, но от неочистки его от семян и сора, а равно и по причине дурной

упаковки, увеличивают его ценности еще на 40 процентов. В настоящее время проявляется желание некоторых г.г. бумагопрядильщиков, купить товар на месте, в Бухаре и доставить в Россию на свои заведения: правильно обработанными. Выгоды этого дела всем понятны. В настоящее время остается только желать, привести в исполнение, это полезное для России дело: он может иметь удачу еще вернее, через взаимное объяснение, г.г. бумагопрядильщиков...

Время не ждет, должны заказать машины для очистки и упаковки хлопка заблаговременно, дабы они могли быть в Оренбурге не позже сентября, для дальнейшего отправления в Бухару. Если же мы пропустим еще один год, то заплатим миллионы по пример настоящего времени» (ГАОО. 1863 г. Ф. 6. Ок. 10. Д. 7878. Л. 1).

Беспокойство российских текстильщиков наконец было выражено и МИДом России, сообщившим оренбургскому генерал-губернатору, что «г. Министр финансов сообщил министерству иностранных дел жалобу Московских бумагопрядильных фабрикантов на то, что Бухарские торговцы, пользуясь недостатком в России хлопка, стали привозить с 1862 года товар этот на половину смешанный с семенами хлопчатника, а также подкладывают в кипы камни, старые одеяла и разный сор, так что пуд Бухарского хлопка давал иногда едва 15 фунта годных к употреблению.

В видах развития нашей торговли с Бухарской, стат секретарь Рейтерн обратил внимание на необходимость принятия мер к предупреждению этих подлогов, которые должны обратиться во вред самых Бухарских торговцев, уроняя цены на их хлопок и уменьшая сбыт их товара в России.

Означенное мнение г. министра финансов имею честь сообщить вашему высокопревосходительству, покорнейше прося, в случае если бы вы признали заявить о том Бухарскому Токсабу, письменно или через Караванбашу» (ГАОО. 1864 г. Ф. 6. Ок. 10. Д. 7942. Лл. 1–2).

Здесь необходимо обратить внимание, что данное письмо МИДа прислано в Оренбург 8 апреля 1864 г., то есть в то время, когда в районе г. Туркестана уже шли боевые действия, то есть началась военная кампания против Кокандского ханства, ставшая началом широкомасштабного присоединения Средней Азии. В документе нет ни малейших упоминаний об обеспечении интересов русской текстильной промышленности с помощью военной силы, что было бы весьма уместно в случае начавшихся боевых действий.

Таким образом, анализ многочисленных исторических источников не подтверждает приоритет экономических мотивов в присоединении территории Средней Азии к России. Судя по всему, появление версии о доминировании именно этих мотивов относится к советскому периоду, для которого характерно рассмотрение истории через призму развития производительных сил и производственных отношений. Однако, на наш взгляд, хотя экономические интересы в овладении регионом, конечно же, присутствовали, главными мотивами все тридцать с лишним лет в этом процессе оставались геополитические причины, выраженные во вполне конкретной геостратегии русской армии: «усмотрение корпусных командиров» было главной движущей силой в присоединении большинства областей огромного региона Средней Азии к России.

В заключение необходимо отметить, что традиции «геополитического самотека», по-видимому, являются общей тенденцией российской геополитики в отношении Средней Азии. Автор берет на себя смелость утверждать, что и в период 1991–1998 гг. в Среднеазиатском регионе, особенно в кризисных условиях гражданской войны в Таджикистане, масса политических решений принималась на месте именно военным руководством 201-й мотострелковой дивизии и группы погранвойск России в Таджикистане. Эти решения позже подавались на утверждение политического руководства Российской Федерации.

Литература

Веселаго, Ф. Ф. 1872. *Список русских военных судов с 1668 по 1860 гг.* СПб.

Глуховских, А. И. 1868. Плен в Бухаре. *Русский инвалид* 97–100.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).

Губернаторы Оренбургского края / сост. В. Г. Семенов, В. П. Семенова. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 1999.

Дониш, А. 1976. *Путешествие из Бухары в Петербург. Избранные произведения.* Душанбе: Ирфон.

Дугин, А. Г.

1997. *Основы геополитики. Геополитическое будущее России.* М.: Арктогея.

2002. *Основы евразийства.* М.

2004. *Проект «Евразия».* М.: ЭКСМО; Язуа.

Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта

К. П. фон-Кауфмана I-го. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1910.

Назарбаев, Н. А. 1994. Евразийский союз альтернативы не имеет. *Независимая газета*. 4 марта.

Семенов-Тянь-Шанский, П. П. (ред.) 1913. *Россия. Полное географическое описание нашего Отечества*. Т. 19. Туркестанский край. СПб.

Серебрянников, А. Г. 1908. *Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края*. Т. 17. Ташкент.

Татаринов, А. С. 1867. *Семимесячный плен в Бухарии*. СПб.

Терентьев, М. А. 1906. *История завоевания Средней Азии*: в 14 т. Т. 1. СПб.: Типолитография В. В. Комарова.

Халфин, Н. А. 1968. *Присоединение Средней Азии (60–90-е гг. XIX в.)*. М.

Шульц, В. К. 1861. Плавание Аральской флотилии в 1858 и 1859 годах. *Морской сборник* 53(5): 119–154.

Архивы:

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.